

A man with a beard and glasses, wearing a black beret and tactical vest, holds an assault rifle. He stands in front of a heavily modified, rusted yellow car with multiple headlights and a tank-like track system. The background is a dark, smoky, post-apocalyptic environment.

**Алишер
Таксанов**

**Схватка
за
Нибиру**

Алишер Таксанов

Схватка за Нибиру

«Автор»

2025

Таксанов А. А.

Схватка за Нибиру / А. А. Таксанов — «Автор», 2025

Фантастические рассказы и повесть. Сатирическая фантастика "Желудок" - о том, как орган человека стал самостоятельным существом и атаковал жителей узбекского города. "Лунный дозор" - об оружии советской эпохи на Луне. "Схватка за Нибиру" - постапокалиптическое время, когда из-за появившегося коричневого карлика Немезида вымирает жизнь на Земле, и группа людей отправляется к инопланетному кораблю Нибира.

© Таксанов А. А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	31
-----------------------------------	----

Алишер Таксанов

Схватка за Нибиру

ЖЕЛУДОК

(Фантастический рассказ)

Было уже больше десяти часов вечера – время, когда город напоминал пьяного безработного: вроде бы ещё бодрствует, но уже с трудом держится на ногах. Сумерки давно скисли в тьму, лишь редкие фонари освещали асфальт жёлтым светом, похожим на тухлое пиво.

Карета «Скорой помощи» с трудом втиснулась в бокс больницы – древнего кирпичного монстра советской эпохи. Стены его ободраны, как колени у школьника, окна кое-где заколочены фанерой, а над входом висела табличка с облупившейся эмалью, на которой буквы «О» и «А» давно исчезли, оставив гордую надпись: «ТРАВМ ТОЛ ГИЯ».

Тусклая лампа качнулась над воротами, бросив бледный свет на фосфоресцирующую красную надпись «Ambulance» на белом борту. Слово «Ambulance» здесь было написано больше для красоты: большинство пациентов и так знали, куда их везут, даже если не умели читать.

Мимо прошла пожилая медсестра, сутулая и жилистая, как старый ворон. Лицо её было покрыто сетью морщин, в которых, казалось, можно хранить сахар для чая. В руке она держала металлический поднос с инструментами, среди которых поблёскивал ржавый зажим – больше похожий на кусачки из хозяйственного магазина. Увидев подъезжающую карету, она перекрестилась широким, но не слишком искренним жестом, словно пыталась защититься не от нечисти, а от налоговой.

Она знала: сюда живых не привозят. Здесь останавливались только те машины, что везли тех, кого медицина окончательно списала в архив. Живых увозили в реанимацию или палаты с другой стороны, где царила своя веселуха: капельницы булькали как аквариумы, больные кричали как оперные певцы, а священники из церкви, мечети и синагоги сновали, будто торговцы на базаре, соревнуясь, чья молитва окажется более конкурентоспособной.

Хотя, если уж быть честной, священникам следовало бы заглядывать и сюда – чтобы успокаивать души тех, кого после «доставки» разбирали на части. Одни отправлялись в крематорий, другие становились учебным материалом для студентов медфака. Там, в холодных аудиториях, трупы лежали на металлических столах, блестящих от формалина, а студенты с восторгом школьников, получивших доступ к запрещённому журналу, рассматривали сухожилия, артерии и печень. Органы перекладывались в банки, подписывались корявым почерком: «печень (алкоголизм)», «сердце (инфаркт)», «лёгкие (курение, мать его)». Иногда от покойников отрезали пальцы – «для коллекции» у особо эксцентричных ассистентов кафедры.

Но старуха-медсестра не была столь любопытной: она лишь краем глаза заметила, что машина перегружена так, что днище почти тёрло асфальт. И недаром: в салоне покоилось тело весом четырёхста килограммов – мясной монолит, которому было тесно даже в собственном кожаном мешке.

С руганью из кабины вывалились водитель и врач. Водитель – маленький и щуплый, с таким выражением лица, будто его всю жизнь использовали вместо подушки для кулаков. Фуражка слетела, открыв залысину в форме материка Африка. Врач, наоборот, был высокий, сухой, с усталой злобой в глазах. Под халатом угадывался пивной живот, но руки его дрожали так, словно он только что перелистывал чужие диагнозы вместо карт Таро. Первый поспешил открыть заднюю дверь, выпуская наружу сладковатый трупный дух, второй отправился за подкреплением: двум им с такой тушей не справиться.

Даже семеро санитаров, собранных со всех этажей, не чувствовали себя героями. Тележка, на которую они взвалили покойника, скрипела так жалобно, что казалось, она вот-вот попросит о пенсии. Стальные рамы выгибались под чудовищной тяжестью.

Лицо мертвеца – лицо расплавленного теста – застыло в странной гримасе. Удивление ещё сохранялось в уголках глаз, но в вывалившихся от газа зрачках читался ужас – будто он успел осознать, что не просто умирает, а умирает глупо, нелепо, как персонаж дешёвого анекдота. Санитары, выдавшие трупы с пулевыми, с петлями на шее, с «модными» передозировками, смотрели на него с отвращением. Не потому что это было мерзко, а потому что это было слишком... банально.

– Блин, проблема голода у него никогда не возникала, вот жирняк! – еле выдавил из себя один из санитаров. Это был невысокий мужичок лет тридцати пяти, с круглым лицом и узкими глазками, словно он всё время шурился от недоверия к миру. На нём висела замызганная больничная роба с пятнами, которые давно уже перестали отстирываться. На лбу блестели капли пота, а дыхание вырывалось тяжёлыми, свистящими рывками. – Жил, значит, хорошо. Наверное, «бабки» имел дай боже! Чтобы набрать такой вес, нужно было есть не меньше двадцати кило в день. Жрал красную икру, копчёную колбасу, куриные окорочка, белый хлеб...

– Точно, – поддержал его другой санитар, крупный детина с торчащими ушами и сломяным когда-то носом, который придавал лицу вид вечного боксёрского проигравшего. Он скрипел зубами, поднимая жирную ногу мертвеца и пытаясь закинуть её на тележку. – Смотри на одежду – от «Версачи», не бедняк! На пальцах золотые кольца! Конечно, такой мог себе позволить пожрать от души...

– Он был тяжело больным человеком, у него нарушен гормональный фон, что привело к ожирению, – с укором сказал врач «Скорой помощи» Абдурашид-ака¹, сорокадвухлетний мужчина с седыми висками и усталым взглядом. Его уважали и коллеги, и пациенты: грамотный медик-реаниматор, порядочный и скромный. Но больничная рутина давно наскучила, и он ушёл в «экстрянку», где нашёл свой драйв. – Этим страдают и бедные, и богатые люди. Не болтайте зря, доставьте труп в морг. Там сделают вскрытие.

Санитары, ругаясь и охая, кое-как вкатили тележку с покойником в морг.

Морг этот не имел ничего общего с киношной «стерильной белизной». Стены здесь были выкрашены в когда-то серый цвет, местами облупившийся и пожелтевший. В углу стояло несколько холодильных камер, гудящих, как старые троллейбусы. Посередине возвышался массивный стол для вскрытия – из нержавеющей стали, но с пятнами, которые ни один растворитель не брал. По углам – ящики с инструментами: ржавые скальпели, пинцеты, пилы, а в одном даже валялся молоток, будто сюда случайно заглянул слесарь.

На плиточном полу чернел канализационный люк, куда сливали кровь, желчь и прочую «биологию». Когда его открывали, воздух заполнялся таким запахом, что даже самые стойкие врачи закуривали по две сигареты сразу. Лампы под потолком моргали, создавая иллюзию, что ты попал не в лечебное заведение, а в подвал серийного маньяка.

Уборщицы сюда почти не заходили – не из лени, а из суеверного страха. Они были уверены, что духи мертвецов цепляются за ведро и швабру, а потом приносят болезни домой. Уборку делали раз в месяц, «для отчёта», но и тогда всё ограничивалось мытьём углов и отмаживанием от запаха.

Здесь не было грязи в привычном понимании слова, но воздух пропитался таким «буке-том ароматов», что один вдох напоминал целую дегустацию: сперва железо крови, потом сладость формалина, затем тухлое мясо и лёгкая горечь йода.

¹ Ака (узб.) – старший брат, принятое обращение в Узбекистане или вставка к имени.

Неудивительно, что сотрудники морга казались остальным чем-то вроде зомби: молчаливые, с вечно усталыми глазами, и с лицами, на которых не отражалось ничего – ни радости, ни грусти. Для них живые и мёртвые мало чем отличались: просто разное состояние материала.

Дежурный патологоанатом Дмитрий Поваренков дремал в своей закусочке на старом кожаном диване, скрипящем, словно он уже лет двадцать выносил на себе все трупные тяжести. Ему было сорок пять, но выглядел он на все пятьдесят пять: обвисшие веки, кожа с землистым оттенком, волосы торчали редкими прядями, будто на голове поселились взъерошенные воробьи. Под халатом угадывался не живот, а скорее усталый мешок, который он таскал, как обязательный атрибут профессии.

Работы у него было меньше, чем у коллег, работающих с живыми, и потому он позволял себе спать в рабочее время, что, впрочем, никто ему не запрещал: мёртвые не стучат кулаками по дверям и не требуют помощи.

Услышав шум в коридоре, он приоткрыл глаза, сладко потянулся так, что косточки затрещали, и зевнул:

– Кого тут черти носят? Чего спать не даёте?

– Сюда только черта и занесёт, – хмыкнул врач «скорой помощи». – Принимай «товар», еле доставили. Отоспишься дома в объятиях жены...

Не успел он договорить, как лицо Поваренкова дернулось, будто кто-то зацепил его невидимой проволокой. При упоминании жены в его взгляде мелькнула тень – смесь раздражения, тоски и какого-то плохо спрятанного отвращения. Казалось, эти «объятия» были последним, чего ему хотелось в жизни: супружеская жизнь давно превратилась для него в затянувшуюся аутопсию с бесконечными претензиями и скандалами.

В этот момент вслед за врачом въехала тележка. Семеро санитаров, словно тюремная бригада, пыхтели и толкали её, стараясь не уронить мясистый груз.

Увидев эту процессию, Поваренков приподнял брови и изумлённо выдохнул:

– Это что вы там везёте? Слона? Тогда вам в ветеринарию, а не ко мне! Или, может, сразу на мясокомбинат?..

– Вот ты и разберёшься, куда его, – с усталой усмешкой сказал Абдурашид-ака, подавая бумаги. – Распишись о приёме трупа.

Поваренков медленно, с недоверием взглянул на раздувшегося мертвеца. Подумал что-то язвительное, но промолчал. Только почесал переносицу, оставив на коже красную полоску, и молча расписался в журналах – порядок есть порядок.

– Откуда вы его привезли? – спросил он, хотя голос его звучал без особого интереса, скорее из вежливости.

Абдурашид-ака хлопнул папкой, будто этим хотел поставить точку в длинной истории, и нехотя пояснил:

– Нашли возле мусорного бака. Видимо, жрал всё, что находил в отбросах. В руках мы обнаружили дохлую крысу. Проглотить не успел – умер. Соседи заметили его час назад, валявшегося на асфальте, и вызвали меня вместе с участковым. Говорят, последние дни он жил на улице – в квартиру войти уже не мог. Судя по золоту и тряпкам от «Версачи», человек не бедный. Но аппетит его оказался сильнее банковского счёта. Проел всё подчистую, а под конец уже по мусорным бакам шарился... Может, отравился чем-нибудь. Может, сердце не выдержало такой туши. Весит он, как целый гурт баранов.

Абдурашид помолчал, потом добавил, с оттенком раздражения:

– Хотя соседи говорят, что толстеть он начал буквально неделю-две назад. Честно, ума не приложу, как можно так быстро набрать столько сала... В любом случае, следователь из РОВД велел сообщить, если смерть окажется естественной. На нём висят нераскрытые дела, и лишний труп – это головная боль. Он хочет побыстрее закрыть вопрос. А золото участковый описал и изъём, так что не вздумай тырить!

– Скажи это другому, а не мне! – обиделся Поваренков, морща лоб. – Я не кидаюсь на драгоценности мёртвых.

– Ладно, не обижайся, – примирительно сказал Абдурашид-ака. – Я к слову... Просто сам не понимаю, как можно так разжиреть! Может, «ножками Буша» объелся? Говорят, там гормонов столько, что ужас! От них вся эндокринка летит к чертям. Или ГМО-продуктами.

– М-да, задачка, – почесал затылок патологоанатом. – Ну что ж, разберусь. Это уже моя специализация... Только помогите переложить его на стол.

Легко сказать – переложить на стол. На это ушло не меньше пятнадцати минут. В морге стоял такой мат-перемат, что даже у патологоанатома, привыкшего к пьяным истерикам и разрезанным трупам, уши задеревенели. Казалось, будто бригада грузчиков пытается затащить в квартиру новый рояль, но рояль этот был жирный, холодный и категорически не желал сотрудничать.

Труп пару раз с глухим шлёпом падал на плиточный пол, каждый раз вызывая лёгкое сотрясение помещения: лампы дрожали, инструменты позванивали, а в углу от вибрации открылась дверца одного из ящиков, выплеснув наружу ржавые пинцеты и скальпели. Санитары, с красными лицами и сбившимся дыханием, поднимали тушу так, словно пытались вскинуть на плечи бетонную плиту. У кого-то хрустнула спина, другой стукнулся локтем о железный край стола, третий матерился так, что впору было записывать в новый словарь ненормативной лексики.

Наконец, четырёхста килограммов плоти улеглись на вскрывающий стол. К счастью, тот оказался на совесть сваренным – толстый металл выдержал, хотя слегка закрипел, словно жалуюсь на судьбу.

– Ну, молодцы, – хмыкнул Поваренков, довольный зрелищем чужих мучений. – Можете идти... только не спотыкнитесь о канализационный люк! Хе-хе...

Водитель, санитары и врач с облегчением выдохнули и рванули к выходу, словно школьники на звонке после контрольной. Торопились так, что даже дверь за собой не прикрыли: створка осталась распахнутой, и из коридора в морг потянуло сквозняком, колыхнув белые халаты и оставив ощущение, будто сама смерть решила заглянуть на огонёк.

Поваренков тяжело вздохнул и закрыл дверь сам. В такие минуты он ясно понимал: его профессию любят немногие, и уважения к ней тоже особого нет. Кому вообще может нравиться ковыряться в холодных телах? Денег это не приносит – золотые коронки давно научились снимать «по описи», кольца и браслеты забирает участковый под протокол. Всё, что остаётся патологоанатому, – скудная зарплата и запах формалина. А вот живых лечить – другое дело: сплошная коммерция, анализы, «диагностические процедуры»... там врач легко превращается в бизнесмена.

«Когда-нибудь и я перейду в хирургию, – подумал Поваренков, – только сначала лучше изучу анатомию, выясню все причины, из-за которых жизнь обрывается. Тогда я стану лучшим врачом – мистером Жизнь. Вот тогда все клиенты этой паршивой больницы побегут ко мне, а не к другим бизнес-лекарям. И я заработаю себе на особняк, как наш главврач-прохиндей. Тот ведь поднялся на перепродаже западной гуманитарки – с больных деньги взял, остатки в аптеку спихнул, и купил себе и жене по «Нексии».»

Сегодня же у него были другие планы на ночь. Обещала заглянуть Люба Эберзенек – медсестра, о которой ходили легенды. Ей было двадцать семь, и она считалась красавицей больницы: высокая, пышноволосая блондинка с точёной фигурой, глазами цвета весенней травы и ухмылкой, из которой мужчины теряли дар речи. В отделении шептались, что Люба «любит разнообразие» и подавляет скуку самыми... нестандартными способами. Её несколько не смущало, что встречи проходили прямо среди трупов, – наоборот, это её возбуждало.

Поваренкова же мертвецы несколько не задевали: идеальные свидетели, которые никогда ничего не расскажут ни его жене, ни мужу Эберзенек. Встреча была назначена на пару

часов позже, так что времени хватало, чтобы сделать предварительное заключение. Основной диагноз всё равно будет поставлен в биохимической лаборатории, куда он обязан отправить срезы тканей.

Поваренков включил яркие лампы над столом, шурясь от их холодного света, и на ходу натянул латексные перчатки, хлопнувшие по запястьям, как плети. Металлический стол с инструментами стоял рядом: ряды скальпелей, ножниц, зажимов, пинцетов – всё аккуратно разложено, но каждая вещь уже потускнела от многолетнего использования, будто инструменты давно сами мечтали лечь под формалин.

Скальпелем и ножницами он аккуратно разрезал и снял с трупа одежду – грязные, смятые вещи, которые ещё недавно могли стоять целое состояние в бутиках. На пол со шлепком упали коричневые туфли на толстой подошве. Подошва оказалась неровно стёртой – носки были скошены, каблуки сбиты. По всему было видно: хозяин едва передвигал своё чудовище-тело, шаркая ногами, словно тащил за собой невидимые гири.

– Та-ак, что тут у нас? – протянул Поваренков, склонившись над тушей. Перед ним лежало не человеческое тело, а бесформенный пирог из жира, в котором волосы торчали отдельными жалкими островками. Детородный орган полностью утонул в складках, и даже опытный глаз врача не сразу нашёл бы его местонахождение. «В таком состоянии, – подумал патологоанатом, – выполнять супружеские обязанности вряд ли представлялось возможным. Если вообще кто-то решился бы добровольно оказаться рядом с этим... чудом природы».

Кольцо на левой руке намекало, что когда-то мужчина всё же состоял в браке. Но судя по отсутствию следов на пальце, жена давно сняла с него не только кольцо, но и все иллюзии о счастливой семейной жизни. В отличие от самого Поваренкова, у него, похоже, не было проблем с ревнивой половиной. В этом он даже позавидовал мертвецу – уж кому, а ему-то головной боли женщины точно не доставляли.

– Ладно, его личные дела в сторону, – пробормотал патологоанатом и, откашлявшись, стал внимательно осматривать кожу. – Внешних повреждений нет... даже гематом. Что ж, будем вскрывать.

Он взял скальпель и уверенным движением провёл длинный разрез – от шеи до паха. В тот же миг воздух прорезал чудовищный смрад, настолько едкий и гнилостный, что у Поваренкова закружилась голова. Словно одновременно вскрыли десяток выгребных ям, добавив туда тухлой рыбы и протухших яиц. У него на миг потемнело в глазах, и только профессиональная привычка удержала от того, чтобы не рухнуть на пол.

– Ну и вонь... – прошептал он, зажимая нос рукавом халата. – Ужас! Неужели уже пошло разложение? Так быстро?..

Он торопливо надел маску, вернулся к столу – и застыл.

Тело шевелилось. Не целиком, но изнутри, под кожей, что-то двигалось. То ли дергалось, то ли перекачивалось, словно внутри туши кто-то стучал кулаками, требуя свободы. Живое, чужое движение, напоминающее попытку выбраться наружу.

Жирные складки подрагивали, как студень в миске, а живот будто волнами поднимался и опускался. То, что он принял за газовую эманацию, оказалось куда более пугающим.

– О боже... что это?! – вскрикнул патологоанатом и попятился назад, едва не опрокинув табурет. Инстинкт самосохранения вопил: «Уходи!», но другое чувство – медицинское, исследовательское, почти фанатичное любопытство – взяло верх.

Он заставил себя вернуться к столу, сердце билось, как у новичка в анатомичке, впервые открывшего мёртвого.

И тут произошло нечто невероятное. Из разреза, сделанного Поваренковым, вдруг фонтаном ударила густая красно-зелёная жижа, брызнувшая по всему моргу, будто кто-то включил пожарный гидрант, только с содержимым канализации. Потoki горячего месива разлетелись по стенам, по лампам, по инструментам, сбивая с них стерильный налёт. В воздухе закружи-

лись ошмётки внутренностей, как праздничные серпантинные ленточки, только вместо блёсток – печень, жир и куски кишечника.

Струя била с такой силой, будто внутри покойника стояла работающая помпа высокого давления. Поваренков почувствовал, как давно не стираный халат мгновенно пропитался этой мерзкой жижей. Ткань, некогда белая, теперь обрела цвет отвратительного болотного марева с красноватыми прожилками – будто художник-психопат пытался нарисовать пейзаж ядерной катастрофы. Запах ударил в нос так резко, что у него защемило глаза.

Сам же патологоанатом остолбенел. Его профессиональный мозг отказывался складывать картину в привычную схему. «Как такое возможно?!» – мелькнула мысль. И тут же другая, более прозаичная: «А если это шутка Абдурашида-ака с санитаром? Эти шутники могли и моторчик туда засунуть, и баллон краски подключить – мол, посмеёмся над коллегой... Стоят сейчас возле машины, ржут в кулак. Вот выйду – уши скальпелем им отрежу!»

Но уже через несколько секунд Поваренков понял: это не розыгрыш.

Тело мертвеца шевелилось. Не как человек, который пытается встать, а как мешок, из которого кто-то вырывается. Из распоротого живота с хлопаньем выползло нечто – и это оказалось не менее чудовищным, чем сама туша. На свет показался огромный червь. Только это был не совсем червь: Поваренков сразу узнал в нём желудок с кишками – толстой и тонкой, скользкие, клубящиеся, обтянутые слизью. В норме этот орган он видел десятки, если не сотни раз – безмолвный, безжизненный, просто «деталь». Но сейчас желудок двигался, словно обретая собственную душу.

Он извивался, словно гигантская змея, раздвигая края живота, и вылезал наружу, тянув за собой кишки, как хвост. Казалось, что орган вдруг объявил независимость от организма и теперь существовал самостоятельно – с собственными намерениями.

Поваренков не двигался. Не от страха даже, а от чистого изумления. В голове лихорадочно мелькали гипотезы – газы? гниение? паразитарная инфекция? экспериментальная химия? – но ни одно объяснение не подходило под увиденное.

Тем временем желудок, окончательно освободившись из мёртвой туши, приподнялся метра на полтора над телом. Трубочатые отростки кишки болтались вниз, как лапы какого-то безглазого паука. И вдруг орган стал поворачиваться в разные стороны – словно оглядывался. У него не было глаз, не было головы, но движения напоминали повадки существа, пытающегося осмотреть окрестности и понять, где оно очутилось.

Запах, исходящий от этой мерзкой твари, был настолько едким, что Поваренков невольно чихнул. В тот миг морг перестал быть медицинским помещением – он превратился в общественную уборную времён средневековой осады, где человеческие отходы доходили до щиколотки.

Видимо, какие-то неведомые инстинкты подсказали желудку, что рядом находится живой организм – свежая добыча, именно то, что ему было необходимо. Конец желудка распахнулся, словно это была пасть. И Поваренков, к своему очередному потрясению, увидел там острые зубы – длинные, изогнутые, будто акулы, с зазубренными краями. Они торчали рядами, неровно, как гвозди, торчащие из старого ящика. На них поблёскивали капли слизи и густой желчи, и казалось, что они улыбаются.

– Это ещё что за хрень? – пролепетал он, чувствуя, как холод пробежал по позвоночнику. – Пищевод с клыками?.. Бред какой-то... или галлюцинация...

Но осознать и тем более придумать логическое объяснение он уже не успел. Желудок прыгнул. Прыгнул неуклюже, но стремительно, как медведь, бросающийся на лося – беспощадно, без шансов на спасение.

Масса из плоти и слизистых, весом не меньше ста пятидесяти килограммов, обрушилась на Поваренкова и сбила его с ног. В тот же миг пасть сомкнулась и проглотила половину его тела целиком.

Крик патологоанатома разнёсся по моргу – отчаянный, надрывный, но совершенно бесполезный. Он дёргался, бил руками, отчаянно лягался, цепляясь за стол, за инструменты. Но кислота, брызнувшая из живого мешка, моментально разъедала его халат, кожу и мышцы. Он чувствовал, как слои тела горят, словно его окунули в чан с кипящей серной кислотой. Кости скрипели, суставы выворачивало, но самое страшное было ощущение – он задышался в зловонной полости, наполненной вязкой жижей, и понимал: отсюда выхода нет.

Человека пожирало то, что ещё несколько минут назад являлось частью мертвеца. И это поглощение было размеренным, как у питона, давящего кролика. Секунда за секундой он уходил внутрь чудовищного органа. Крики стихали, движения становились вялыми, и, наконец, всё оборвалось – то ли от удушья, то ли от болевого шока. Из пасти выплеснулась тонкая струйка крови.

Желудок громко хрюкнул, щёлкнул зубами, будто довольно отрыгнул кость, и начал извиваться, сдавливая уже проглоченную жертву. Движения были настолько характерны, что у любого биолога возникла бы ассоциация с удавом, медленно сжимающим свою еду.

В морге теперь стоял адский запах – смесь тухлятины, серы и горящей плоти. К этому прибавился шум: чавканье, бульканье, хлюпанье. Это были именно те звуки, что врачи обычно слышат в стетоскоп, приложенный к живому животу. Только тут они раздавались громко, как будто в помещении работал сломанный промышленный насос.

Но никто не зашёл. Морг был отрезан от остальной больницы, и у дежурных врачей и медсестёр хватало своих забот. Да и к самому Поваренкову особого уважения никто не испытывал – он был изгоем, коллегой без друзей.

Исключение составляла только Люба. Люба Эберзенек, медсестра, у которой был вкус к рискованным развлечениям. Она прибежала раньше назначенного срока: свою работу успела закончить быстро. Таблетки раздавала, старушке сделала клизму, а с одним скандалистом поступила особенно оригинально. Мужик, сидевший на койке, разорался на весь коридор, проклиная врачей за невкусный ужин. Тогда Люба, не моргнув глазом, плеснула ему в лицо содержимое «утки» – его же собственной мочой.

От шока он захлебнулся собственными словами и осел на подушку, а в палате воцарилась идеальная тишина. Остальные пациенты в ужасе укрылись одеялами с головой и сделали вид, что мгновенно заснули. Люба же спокойно поправила халат, убедилась, что никто не рискнёт жаловаться, и направилась в морг, якобы «по служебным делам».

На самом деле она спешила к своему новому любовнику. Никто об их связях пока не догадывался, даже главврач, у которого сама Люба состояла в активном сексуальном резерве. А уж он-то устроил бы грандиозный скандал, если бы узнал. Да и премии мог лишиться. Но Люба была уверена: в морг никто не заглянет, а сам патологоанатом оттуда не выходит.

Она влетела в морг, распахнув дверь и весело выкрикнула:

– Я пришла – снимай штаны!

Но весёлый задор в её голосе тут же сменился судорожным всхлипом: в нос ударила волна вони, настолько густая и едкая, что казалось, воздух можно резать ножом. У Любы мгновенно заслезились глаза, желудок предательски подпрыгнул, и её чуть не вырвало прямо на входе.

– О боже, что за вонь! – завопила она, прикрывая рот ладонью и прижимая нос к плечу халата. – Ты что, Дима, тут жрал трупы? Или решил устроить бифштекс по-патологоанатомски? Кто здесь всё обосрал?

Вместо ожидаемого любовника с шутливой ухмылкой она увидела хаос. На столе распластался разрезанный толстяк, чрево его зияло жуткой раной, а стены морга были испещрены пятнами слизи, крови и непонятной зеленоватой жижи. По полу, словно после бойни, валялись человеческие органы.

Люба ошарашенно прикрыла рот ладонью и пробормотала:

– Это что... мина? Или тут... эксперимент какой-то?

Она осторожно, на цыпочках, прошла вперёд, стараясь не испортить свои новые итальянские туфельки, которые она покупала на рынке по цене «как в Милане». Приходилось переступать через печень, селезёнку и прочие части анатомии, будто по минам.

И вдруг её внимание привлёк странный шум за столом. Чавканье, хлюпанье, щёлканье – будто огромный ребёнок играл зубами с мокрой губкой. Люба замерла, потом сделала шаг вперёд... и оцепенела.

Перед её глазами извивался розовый червяк, огромный, нереальный, с влажной кожей, переливавшейся в свете ламп. Один конец существа щёлкал жуткими клыками, будто пробуя на вкус воздух, а из другого конца что-то медленно выползло наружу.

Люба машинально прищурилась – и сердце у неё ухнуло в пятки.

Сначала показался мужской ботинок... потом часы «Командирские»... затем ремень с облупившейся пряжкой... пуговицы... ключья ткани... покорёженные очки.

– О господи, да это же... – выдохнула она, но закончить фразу не смогла.

Из тела чудища, как из тюрбика с зубной пастой, вытекали остатки – всё, что когда-то принадлежало Дмитрию Поваренкову. И последним, с влажным чавканьем, на плитку рухнул человеческий скелет. Кости звякнули, разбросавшись по полу, а череп с треском ударился об ножку стола и покатился к её ногам.

Люба всхлипнула, вцепилась ногтями в халат, её лицо побледнело до мелового цвета.

– Димочка?... – прошептала она, не веря своим глазам.

Мир у неё в голове резко развернулся: где её любовник с расстёгнутой ширинкой и похабной улыбкой? Вместо романтики – кошмар, кишачий органами.

Она стояла, парализованная ужасом, и пыталась понять: что это за мерзость? откуда оно взялось? и куда делся её патологоанатом?

– Эй, ты где?! – крикнула Люба, стараясь придать голосу уверенности. Ей казалось, что Дима просто затаился за шкафом с инструментами или под столом и ухмыляется. – Думаешь, нашёл дуру, да? Игрушку из магазина «Ужас» вытащил? Он же на прошлой неделе открылся, теперь всем голову морочат этими резиновыми чудищами. Не смешно!

Она раздражённо фыркнула. В памяти всплыло, как коллеги не раз намекали: «Поваренков с приветом, ещё не то устроит». Ну и правда: выбрал бы она кого поадекватнее – врачей в больнице хватало. Но нет же... Втрескалась именно в этого специалиста по «жмурикам». И ведь он, зараза, был страстный.

– Хватит дурачиться! – уже зло выкрикнула она. – Тут же срач на весь морг! Кто убирать будет? Я пришла сюда не за этим! Если не выйдешь сейчас, сиди сам и дрожи на своих резиновых червяках! Особенно на Зухру-опа с её сисяндрами!

Она ещё хотела добавить что-то уничижительное, но в этот момент «червяк» ожил. Его тело содрогнулось, поднялось и распахнуло пасть, усеянную зубами-клыками. Из неё хлынул смрад, от которого Любу окончательно пробрало до дрожи. И только тогда в её голове щёлкнуло: это не игрушка. Это что-то живое. И, судя по всему, именно оно превратило Поваренкова в грудку костей.

Холодная испарина выступила на её лбу. Теплая струйка пробежала вниз по ногам – естественная реакция организма на жуткий страх.

– Ой! – вырвалось у неё. Она тут же зажала рот ладонью, но было поздно.

Чудовище резко дёрнулось и прыгнуло. Огромная пасть сомкнулась на её ноге. Зубы легко, почти изящно, словно нож сквозь масло, отрезали её до колена. Крик Любы взорвал морг. Она рухнула на пол, захлёбываясь собственным воплем, и в отчаянии попыталась оттолкнуть чудище. Её руки ощутили отвратительную, склизкую кожу с пупырышками. Слизь липла, тянулась, как сопли, и воняла тухлыми яйцами.

Она бы зареклась прикасаться к такому даже во сне. Но сейчас было не до отвращения: жизнь ускользала сквозь пальцы.

Червяк был беспощаден. Он клацал зубами снова и снова, методично откусывая части её тела. Сначала ноги, потом руки. В один момент пасть сомкнулась на груди, и звук был таким, словно кто-то хрустнул свежей капустой. Люба заорала ещё громче, но её крик быстро превратился в сипение.

Последним рывком существо всосало трепещущее туловище целиком. Пасть захлопнулась. Морг вновь заполнили чавканье и бульканье – желудок делал свою работу. Его массивное тело пульсировало, извивалось, словно в танце, и громко урчало, переваривая новую добычу.

Изнутри выйти было невозможно. Через полчаса на плитку с влажным звоном вывалился новый скелет – ещё с тувельками на костях, с позолоченными часами на запястье и клипсами, застрявшими в глазницах черепа.

А чуть позже пол морга обогатился новой порцией – килограммы отвратительного дерьма выплеснулись с глухим чавком. Желудок-червяк продолжал функционировать по назначению. Машина переработки, которая уже перестала нуждаться в хозяине.

Медсестру спохватились только через два часа, когда пациент, что пользовался «уткой», не выдержал и стал кричать на весь коридор, привлекая внимание персонала. Это был низенький, плотный мужчина с круглым лицом, щеки которого багровели от напряжения, а глаза за стеклами очков с утолщёнными дужками казались почти выпученными. Руки он размахивал, словно дирижёр, пытаясь привлечь внимание всех вокруг.

Три санитарки из других отделов, лениво дремавшие в своей комнате, вскочили и ввалились к нему с выражением недовольства:

– Что разорался? Это тебе не стадион! В больнице кричать запрещено! Сейчас пожалуемся дежурному врачу, завтра выпишут! Если силы хватает орать – значит, уже выздоровел!

– У меня «утка» переполнена! – жалобно сказал мужчина. – Уже через край выливается!

– Так позови дежурную медсестру! Её зовут Люба-опа! – прозвучало резкое напоминание.

– Так сколько её можно звать? – возмутился пациент. – Нажимаю на кнопку! – и указал на маленькую кнопку в стене. – А медсестра не приходит... Или это декоративная кнопка для красоты? Я заснуть не могу на «утке»!

Санитарки переглянулись и сразу оживились:

– Действительно, а где эта красавица? Опять куда-то улизнула? – недовольно шипели они меж собой. – Ей бы только по мужикам шлаться, а на работу плевать! Блин, где она?... Наверное, в туалете, прихорашивается! В больницу приходит как на подиум, вся в финфетке... уродина! – дальше они бурно обсуждали поведение и манеру одеваться Любы, зуб точили все женщины больницы, но мужчины, наоборот, тайком вздыхали. Не один ночной сторож или санитар не удерживался от фантазий о медсестре Эберзенек.

Мужчина больше не мог ждать:

– Эй, кто-нибудь заберёт у меня «утку»! – заорал он. – Не вечно же мне на ней лежать!

Санитарки лениво махнули руками:

– Сейчас найдем медсестру, и она сама заберет «утку». У нас дел полным-полно, устаем как собаки, а бабки мизерные платят... – скрытый намёк на низкую зарплату и тяжёлую работу, который пациент воспринял буквально.

Они вздохнули и отправились на поиски капризной, высокомерной, но невероятно привлекательной медсестры.

Но ни в туалете, ни в ординаторской её не оказалось. Нет её было и в столовой, и в душевой для персонала. Одна из санитарок, по имени Мухарам-опа, женщина лет тридцати, невысокая, с упругими плечами, острыми глазами и вечной насмешкой на губах, предложила:

– Пожалуй, стоит уже пожаловаться дежурному врачу на эту... хм... красавицу.

И тут проходивший мимо вахтёр, бородатый и с полужакрытыми от сна глазами, сказал:

– Я видел её... шла в сторону морга.

Санитарки замерли на месте, обменялись недоумёнными взглядами и одновременно ощутили холодок: морг – место, куда заходят далеко не все, и куда заглядывать с лёгкой душой было последним делом на их работе.

– В сторону морга? – подозрительно переспросили две санитарки. – Ну-ка, ну-ка, а не пошла ли она к этому ушлему патологоанатому? Этому вредному лысому очкарику Поваренкову? Что у них может быть общего?

– Дуры, не понимаете что ли? – фыркнула Мухарам-опа, уверенная и деловитая женщина лет тридцати, с острыми глазами и вечной насмешкой на губах. Она хотела пожаловаться начальству на медсестру и заодно заработать пару положительных «очков» за бдительность и строгость. – Туда же никто почти не ходит... там можно крутить любовь...

– Фу, что ты говоришь! – с негодованием ответили коллеги. – Рядом же трупы! Как можно!

– Бог ты мой, словно мертвецы расскажут кому-то о любовных похождениях врачей, – вздохнула Мухарам-опа, и решительно направилась в сторону морга.

Две остальные санитарки решили не торопиться и подождать. Они стояли под фонарным столбом, слегка покачиваясь от ночной усталости, и обсуждали вчерашнюю серию бразильской мелодрамы. Разгорячённо спорили, кто был настоящим любовником Марии Анжелики: Дон Педро из автосервиса или Дон Хосе из консалтинговой фирмы, на которого подозревал ревнивый муж Альянсо де Виагра.

Прошло полчаса, и одна из санитарок вспыхнула:

– Ой, уже час ночи! Где наша подруга? Мухарам-опа тоже присоединилась к возлюбленным? Свингеры там?

– Действительно, давно её нет, – удивилась вторая. – Обычно она такая строгая, лишней минуты не добьёшься, а тут сама улыбку тянет...

– Что же она там задержалась?

– Не знаю... но вряд ли чай пить с этим тупорылым патологоанатомом и медсестрой Любой...

Первая санитарка, женщина лет двадцати восьми с пышными каштановыми волосами, глазами цвета мокрого асфальта и строгим взглядом, вздохнула и сказала:

– Пошли, вытащим её оттуда! Заодно выдерем волосы этой мерзавке Любе! В следующий раз будет знать, как оставлять свой пост!

Вторая, высокая и худощавая женщина с короткой стрижкой и холодными голубыми глазами, согласилась, хотя призналась, что не любит ходить в морг:

– Бог ты мой, а кто любит? Это же не место свиданий.

– Люба, наверное, любит, ха-ха-ха! У неё, может, другие вкусы, ха-ха! – добавила первая, глядя на темнеющий коридор и стараясь подавить дрожь от мыслей о морге.

Они, посмеиваясь и перебрасываясь шутками о Любе и Поваренкове, вошли в морг, и едва не потеряли сознание от запаха, что висел здесь так плотно – хоть топор вешай. Первую санитарку, невысокую, с рыжими кудрями и бледной кожей, тут же стошнило: голова закружилась, ноги подкосились, и она добавила свой непереваренный ужин к уже существующей жуткой смеси биологических веществ, разбросанных по полу.

Вторая, высокая и худощавая, с короткой стрижкой и холодными голубыми глазами, схватилась за нос, стараясь не дышать, и испуганно озираться. Её взгляд цеплялся за странные очертания в углу помещения: огромное, влажное, розово-зелёное тело шевелилось среди слизи и обрывков чего-то органического. На полу лежали три скелета, а на анатомическом столе – препарированный труп, из которого вытекало несколько жидкостей и обрывков тканей, блестящих в тусклом свете лампы.

– Ой, что же это такое? – вскрикнула она. – Мухарам-опа, вы здесь?

И тут крик встревожил странное существо в углу. Длинное тело стремительно поднялось, извивалось, озиравшись вокруг. Это был не хобот и не червяк в привычном понимании – санитарка могла поклясться, что видит гигантский желудок с пищеводами, но настолько огромный и самостоятельный, что казался монстром, химерами, ожившей частью мертвеца.

Слегка инстинктивным чутьем санитарка поняла: опасность реальна. Схватив коллегу за руку, она попыталась вытащить её наружу, но та, всё ещё бледная от рвоты, оттолкнула спасительницу, слабо бормоча: «Не мешай... видишь, человеку плохо». Попытка спасти подругу провалилась.

Первая санитарка успела отойти на несколько шагов, как желудок мгновенно прыгнул вперёд. Он сбил её с ног, сдавил, словно гигантский питон, и одним движением проглотил целиком. Лишь внутри чудовища та поняла, что стала элементарным «блюдом», пытаясь сопротивляться, дёргаясь, пинаясь руками. Существо сжалось, прессуя жертву, и вскоре санитарка замолчала, её тело оказалось беспомощным внутри пульсирующей массы.

Вторая санитарка, несмотря на страх, дрожь в ногах и прерывистое дыхание, не собиралась сдаваться. Она схватила швабру и со всей силы ударила по желудку:

– Получай, гад! Отпусти мою подругу!

Монстр отреагировал вяло, почти не отдернувшись – все силы уходили на переваривание первой жертвы. Зато из него вырвался такой зловонный газ, что даже выдавшая многое женщина не выдержала: она выплеснула весь ужин, словно повторяя токсикоз, который испытывала двадцать лет назад, будучи беременной.

Поняв, что оставаться здесь опасно, санитарка, шатаясь и кашляя, рванула к выходу и вылетела на улицу, закрывая за собой дверь морга.

Прохладный ветер ударил в лицо, принося ощущение тревоги и свежести одновременно. Стояла глубокая ночь, Луна висела над городом огромным серебристым диском, освещая тротуары холодным светом. Её бледное сияние отражалось в мокром асфальте и окнах, рисуя длинные тени на стенах больницы.

Отдышавшись, санитарка посмотрела в сторону морга – оттуда доносилось слабое урчание, словно работал игрушечный мотор.

– Чтоб тебе пусто было! – пробормотала она, и, крича, рванула в сторону лечебных корпусов. От её криков вспыхивал свет в окнах, и испуганные больные выглядывали наружу, пряча лица. Навстречу ей бежали вахтер и несколько санитаров, торопливо подхватывая её и спрашивая, что случилось.

...Тем временем, Абдурашид-ака, врач «Скорой помощи», вернулся домой ранним утром после изнурительной смены. День был тяжёлым – десять вызовов, среди которых два инфаркта и один труп, причём последний особенно впечатлил его. Что-то в нём было необычным, но понять, что именно, он не мог.

Едва переступив порог квартиры, он встретился со встревоженной женой. Она была лет тридцати пяти, стройная, с длинными тёмными волосами, слегка взъерошенными после сна, глаза – широко раскрытые, в которых читалась тревога. В руках она держала радиотелефон, привычно сжимая его как спасательный круг.

– Вас вызывают опять на работу, – сказала она удивлённым голосом, запахивая халат. Видимо, звонок только что разбудил её.

Абдурашид-ака крякнул от неудовольствия, но перечить не стал. Он приложил трубку к уху:

– Я слушаю, – усталым голосом произнёс он.

– Абдурашид-ака, это я, дежурная с подстанции, – послышался встревоженный голос молодой операторши Зебениссо-хон. – Вам срочно следует ехать в больницу номер два... Сейчас туда вызываются все машины.

– В больницу номер два? – удивился врач. – Гм, а что там случилось?

Зебениссо странно хрюкнула:

– Хрррр... Не знаю, но городское начальство встревожилось, требует направить всех опытных врачей и машины «Скорой помощи». Идет эвакуация всего персонала и больных...

– Эвакуация? – Абдурашид-ака не мог скрыть шока. В голове крутилось множество версий.

– Да, туда стягиваются наряды милиции, пожарники...

– Милиции? Пожарников?

– Да... ой, подождите-ка... – в трубке раздалось тревожное шёпотом-переговаривание, а затем операторша сказала: – Только что сообщили, что дан приказ оцепить больницу войсковой части... Два танка гонят туда!

– Войсковой части? Танки?.. Бог ты мой!.. Да что там произошло?.. – недоумевал Абдурашид-ака. – Там что, локальная война?

Зебениссо тихо ответила:

– Точно не знаю, Абдурашид-ака, но говорят, там какое-то животное объявилось...

– Животное? – переспросил врач. – Тогда нужно дрессировщиков из цирка приглашать или егерей, к чему врачи и бронетехника? Это динозавр что ли из мезозойской эры свалился?

– Не знаю, что это за животное... никто этого не знает... – голос операторши дрожал. – Но оно сожрало, по меньшей мере, десять человек, включая пятерых санитаров, вахтера, медсестру, врача и трёх санитарок... Так говорят...

– Ох ты! – воскликнул Абдурашид-ака. – Всё ясно. Я еду!

Он отключил телефон. Жена в недоумении смотрела на него, глаза её горели смесью страха и любопытства.

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – потребовательно спросила она.

Врач видел, что женщина уже догадывается о происходящем, ведь горожанки любили сплетни, и они были их любимым «социальным спортом». Она обожала узнавать события, обсуждать их с соседками, коллегами по работе и родственниками, предугадывать последствия, и ей просто не терпелось получить хоть какой-то источник информации.

Абдурашид-ака понимал, что объяснять то, чего сам до конца не понимает, бессмысленно, и только коротко произнёс:

– ЧП в городе! Тебе лучше взять детей и уехать к матери... в другую область...

– Так что случилось? – настаивала супруга.

– Если бы я знал сам толком... – отмахнулся врач, нервно рыща в тумбочке за ключами от машины. Сюда его подвезли на карете «Скорой помощи», но в больницу он собирался ехать на своём транспорте – быстрее и ни от кого не зависишь.

– А что ты не знаешь толком? – настаивала жена, упорство которой могло бы посоревноваться с любым полицейским допросом. Она хотела знать источник опасности, чтобы понять масштаб угрозы и подготовиться себя и детей к возможной эвакуации.

– Гм, говорят, что в больнице какая-то тварь объявилась...

– Ну, в любом женском коллективе объявится стервоза... – хмыкнула супруга.

– Да ты не поняла! – вскипел Абдурашид-ака, голос его дрожал от раздражения. – Это не женщина! Не человек! Какое-то хищное животное, что сожрало десять человек!

Он плюнул от досады, но в этот момент нашелся ключ.

– Я не шучу – покинь город сейчас же! – произнёс он тоном, который не терпел возражений.

Супруга только фыркнула, но муж этого уже не услышал – он спускался по лестнице, топая быстрыми шагами. Выйдя из дома, Абдурашид-ака направился к автостоянке, где была припаркована его «Нексия».

Из ближайшей чайханы доносились ароматы свежее выпеченной лепешки и самсы². Тонкие облака запаха специй и жареного теста смешивались с ароматом утреннего воздуха, маня к себе голодных прохожих. Проходя мимо, врач увидел ошпоза – повара, который разводил огонь у большого котла для плова; рядом двое лепешечников закидывали тесто в раскалённый тандыр³, хлопая его ладонями и с восточным мастерством вытягивая лепёшки. Если бы не обстоятельства, Абдурашид-ака с удовольствием сел бы за столик, заказал зелёного чаю, самсы с мясом и лепёшки с каймаком⁴, медленно наслаждаясь вкусом и ароматом, отдыхая душой и телом, слушая разговоры посетителей и лёгкую суету чайханы. Восточная кухня и её атмосфера всегда умиротворяли его, дарили редкое спокойствие среди городской суеты.

Но сейчас было не до завтрака. Сердце билось быстрее, мысли о больнице не давали сосредоточиться.

У ворот стояли два взволнованных мужчины, напряжённо поглядывавшие на дорогу и шептавшиеся.

– Вы чего, мужики? – спросил Абдурашид-ака. – Что такие взъерошенные?

Один из них повернулся, и врач узнал соседа Сергея Данилова, мужчину около сорока лет, крепкого телосложения, с густой бородой и немного растрёпанными волосами, взглядом привычного осторожного горожанина, привыкшего к неожиданностям в районе.

– Два танка Т-72 только что проехало в соседний район. Впервые вижу, чтобы танки по городу катались. А вслед за ними десять грузовиков с солдатами... Что это – учения? – произнёс Сергей, явно встревоженный.

– Серега, что ты паришься! – усмехнулся второй мужчина, тоже наблюдавший за улицей. – Какие учения могут быть в городе? Шесть утра, рабочий день вот-вот начнется... Нет, старики, это что-то другое. Наверняка, террористы больницу захватили!

– Почему больницу? – встрепнулся Абдурашид-ака, недоумевая.

Мужчина посмотрел на него с тревогой:

– Моя сестренка живет рядом со второй больницей – через дорогу. Только что звонила по мобилке. Говорит, там происшествие со смертельными исходами. Выносят всех оттуда в чем попало... Вся городская милиция на месте. А раз армия врубилась – как пить дать, террористы! Сегодня по телевизору дадут подробности. Побегу-ка я домой, предупрежу, чтобы никто не выходил на улицу!

– И я тоже, – с беспокойством сказал Сергей, поглядывая на движущуюся по улице «Нексию».

– Может быть, террористы, – произнёс Абдурашид-ака, сам уже двигаясь к синей машине на парковке под номером «20».

«Нексию» завелась с полоборота. Не давая двигателю прогреться, врач снял тормоз, переключил рычаг и нажал на акселератор. Мотор заурчал, легковушка мягко тронулась с места и быстро набрала скорость.

На дороге в утренние часы движения было немного: редкие автомобили осторожно двигались по широким улицам, велосипедисты и пешие прохожие спешили по своим делам. Абдурашид набрал скорость до 100 километров в час, пересек несколько мостов по внутренней кольцевой дороге, и уже через пятнадцать минут подъехал к больнице, где был всего несколько часов назад. Точнее, остановился за сто метров до нее.

Два рослых автоматчика из МВД в камуфляжных костюмах стояли у ворот, перекрестившись с оружием наготове: проезда не было.

² Самса – пирожок, запеченный в тандыре.

³ Тандыр – глинянная печь. Используется в основном для выпечки хлебных изделий или запекания мяса.

⁴ Каймак – сметана.

– Ребята, я – врач со «Скорой», меня вызвали сюда! – крикнул Абдурашид-ака, показывая удостоверение.

Один из солдат быстро взглянул на документ и ответил:

– Проезжайте, но машину оставьте у того забора, видите? Внутрь въезжать запрещено... Впрочем, вас и не пустят.

– Спасибо, – поблагодарил врач. Он аккуратно маневрировал, чтобы не задеть людей, которые под охраной милиции выходили из больницы. Это были больные и медперсонал. Некоторых, кто не мог самостоятельно передвигаться, перевозили на тележках, другие спешили своими силами, поддерживая друг друга. Все возбужденно переговаривались, жестикулируя и пытаясь изобразить произошедшее. Сквозь открытое окно автомобиля до Абдурашид-ака доносились отдельные фразы:

– ...я слышала, как кричала женщина, словно ее резали! ...нет, это мужчина кричал, звал на помощь! ...Ой, в моей палате этот червяк сожрал соседку – старушку, ей два дня назад сделали операцию. Она так кричала, когда монстр на нее налетел!..

Утро было свежим, но солнце уже начинало припекать. Летняя прохладная ночь в Узбекистане постепенно уступала жаркому дневному свету, воздух наполнялся запахами проснувшегося города и влажного асфальта.

– Монстр? – недоуменно пробормотал Абдурашид-ака, подъезжая к забору.

Там стояли милиционеры и военные. К этому времени к железным воротам подъехали три красные пожарные машины, а за ними грохоча, два танка Т-72, остановились по команде. Экипажи остались внутри, ожидая приказаний. Видимо, такие меры должны были утешить неведомого врага, хотя, возможно, командование и не представляло, что именно угрожает больнице.

– Вы куда? – остановил Абдурашида-ака сержант милиции, когда врач вышел из салона. – Сюда входить запрещено!

Абдурашид-ака объяснил причину приезда. Милиционер проверил удостоверение, махнул рукой в сторону скопившихся рядом машин «Скорой помощи»:

– Там все ваши, врачи... Там оказывается помощь больным и пострадавшим.

– А что произошло, ребята? – спросил врач, почесывая переносицу. – Всякое болтают: монстр... жрет всех...

Милиционер нехотя сказал:

– Мы сами толком не знаем... Но говорят, что погибло немало людей. Два наших сотрудника исчезли, когда пошли проверить, что происходит... Без оружия. Нам приказали охранять периметр и никого не пускать внутрь. Вот и стоим, готовы открыть огонь, если оттуда полезет всякая хренотень.

– А мы и сами туда не хотим лезть, – признался рядом стоявший солдат, девятнадцатилетний парень с худощавым телосложением, едва пробивающимся ростом, с широкой молодой грудью и слегка кривыми зубами, – нервно стуча пальцами по прикладу «Калашникова». – Чувствуете, какой отвратительный запах идет оттуда? Словно дерьмо перерабатывают... Думаю, что так пахнет монстр.

Действительно, только сейчас Абдурашид-ака уловил странные, неприятные запахи, витавшие в воздухе. От чего-то напоминали запах засоренной канализации: сырость, тухлое мясо и прелые отходы, словно вода в трубах стояла давно, и смесь химии с органикой поднялась вверх.

Вздыхнув, он закрыл дверь и направился к машинам «Скорой помощи». Там было около двух десятков врачей и столько же медбратьев, которые оказывали первую помощь пострадавшим. Сложно было сказать, действительно ли кто-то пострадал физически – все выглядело относительно чисто и без видимых ранений. Просто кому-то оказывали помощь от шока, кого-то приводили в себя, кому-то ставили капельницу, третьему перевязывали руку, четвер-

тому кололи препарат. Врачи одновременно выполняли обязанности медперсонала больницы и выслушивали ужасы, которые рассказывали пациенты.

Абдурашид-ака подошел к группе, его сразу узнали и пригласили включиться в работу. Естественно, он приступил к обязанностям, несмотря на усталость после ночной смены. Один врач передал ему инструменты.

Он проверял давление старушки – худенькой женщины с морщинистым лицом и взъерошенными седыми волосами, глаза блестели от страха и недосыпа. Она болтливо рассказывала:

– Я спала, крепко спала... Мне медсестра Мухарам-опа снотворное дала, поэтому не сразу услышала, как кричали люди. Оказывается, какие-то твари вылезли из морга и поползли по зданию...

– Твари? Так их было несколько? – переспросил Абдурашид-ака. – Я слышал, что один...

Та бодро отвечала:

– Несколько – штуки три, а может и пять. Говорят, что в морг ночью пошли санитарки, и их там сожрал монстр. Потом одна успела спастись, она звала на помощь, указывала на помещение, откуда выскочила вся перепуганная и в шоке. Туда побежал вахтер и несколько санитаров. Лишь двое оттуда окровавленные выползли, да и то один не дополз – монстр добрался до него быстрее, чем дежурные врачи сумели его оттащить.

– Так, так... И что дальше?

– Я все не знаю – спала же. Потом появилось еще несколько монстров, они полезли на этажи и стали всех хватать, жрать...

– На что они похожи, опа⁵? – перебил их Абдурашид-ака. Ему было интересно узнать, как выглядели монстры. – Можете описать их?

Старушка задумалась, протирая подбородок, а потом произнесла:

– Червяки какие-то. Только большие. Какие-то шланги розово-зеленого цвета. Пахло от них – ужас! Люди уже от запаха падали в обморок. Меня же разбудила соседка, русская, по имени Лена, Подпорина ее фамилия. Трясет за плечо, кричит: «Опа, вставайте! Беда, беда!» Я никак не проснусь, все спрашиваю: «Что случилось? Главврач пришел?» А та меня тормозит, поднимает с постели. Потом облила водой из стакана, что стоял на моей тумбочке, и я пришла в себя. Тут Лена хватает меня за руку и тянет – бежим! Я с трудом встала и вышла из палаты.

– Что дальше?

– А там народ бежит, кричит, ничего не понимает, что произошло! Просто всем страшно – нет врачей и медсестер, оказывается, многих из них уже сожрали. Один старик мимо на инвалидной коляске проезжал, я его знаю, это социолог Баходир-ака Мусаев. Крутит колеса, испуганно кричит: «Спасите меня, лучшего ученого города!», пытается ускользнуть от наседавшей твари. Но не сумел – сзади на него «мешок» как натянулся, полностью его проглотил, даже тапочки всосал и книжку, что у него на коленях лежала. Книга по социологии – это я знаю точно...

– Полностью всосал?.. Как это?

– Ну, словно шланг на него надели... И звуки такие страшные... и запах ужасный. И только потом я поняла, что какие-то хищники завелись в больнице и жрут всех подряд. Моя соседка побежала вперед, но тут из окна на нее прыгнул новый червяк и тоже проглотил. Я только видела, как ее ноги дергались... А как выбралась сама – не помню... Очнувшись я уже у ворот – меня с толпой вынесло наружу. А тут – слава Аллаху! – милиция подросла... врачи...

Тут кто-то тронул Абдурашида-ака за руку. Он поднял глаза и увидел лейтенанта милиции – высокого мужчину с широкой грудной клеткой, светло-русыми волосами, аккуратно зачесанными назад, с ясными голубыми глазами, напряженно оглядывавшегося в сторону

⁵ Опа (узб.) – старшая сестра, принятое обращение к женщинам.

забора. Правую руку он держал на кобуре, а плечи чуть подрагивали от нервного напряжения. Видимо, нервы шалили не только у пациентов больницы.

– Это вы Раджабов, врач? Ну?.. – спросил он несколько грубо. Такие обычно не любили цапкаться с гражданскими, считая их на порядок ниже.

– Да, я... А что? – Абдурашид-ака понимал, что сейчас не время для церемоний, и грубость пропустил мимо ушей. – А вы кто?

– Я лейтенант милиции Иванов... Вас зовет наш начальник, – и милиционер указал на седоволосого полковника, стоявшего у милицейского «Газика». Мужчина был высокий, с прямой осанкой, лицо с глубокими морщинами, глаза ясные, но строгие, голос уверенный и резкий – видно, что человек привык командовать, не терпит сомнений. Врач его узнал – это был начальник РУВД Эркин Абдуллаев, хороший мужик, но сейчас явно взволнованный.

Рядом стоял участковый Хамракул – среднего роста, крепко сложенный, с темными усами и внимательными карими глазами, внимательно оценивающий происходящее; и следователь Гани – высокий худощавый мужчина с острыми чертами лица, носивший очки в тонкой оправе, его взгляд постоянно сканировал ситуацию, словно вычисляя возможные угрозы. С ними Абдурашид-ака несколько часов назад занимался трупом у мусорного бака. Чуть поодаль передвигались еще несколько офицеров – все вооруженные, напряженные, сжатые плечи, готовые действовать мгновенно.

– Хорошо, – сказал Абдурашид-ака и повернулся к старушке: – У вас хорошее давление для вашего возраста, сто десять на сто сорок, еще двести лет проживете, опа...

– Ох, мне бы еще лет десять прожить – правнуков увидеть, а больше и не надо, – махнула рукой старушка. – Лишь бы больше этих тварей не видеть!..

Тут лейтенант сказал всем врачам, обслуживавшим людей:

– Вам следует забрать всех больных отсюда – таково распоряжение начальства... Здесь находится опасно... Оцепление расширяется до границ этих домов, – и милиционер указал на ближайшие к больнице жилые здания.

Те не стали спорить, позвали водителей, которые завели двигатели машин. Люди стали рассаживаться в маленькие, но удивительно вместимые «Дамасы»⁶. Те, кому не нашлось места, шли пешком подалее под присмотром сержантов милиции, рядовых солдат и санитаров.

– А вы идете со мной, – тронул за рукав Абдурашида-ака лейтенант.

Врач подошел к начальству и услышал быстрый разговор. Один из офицеров – капитан – докладывал:

– Визуально обнаружено около пятнадцати тварей – они передвигаются по территории больницы. Сколько в здании – неизвестно, можно считать, что не менее десяти... А может, и больше...

– Всех вывели из больницы? – прервал его полковник.

Капитан, высокий, с широкими плечами и квадратной челюстью, лицо суровое, с легкой щетиной, глаза пронизательные, будто считывают намерения любого человека, пожал плечами:

– Неизвестно... Мы не знаем, кто остался там... Вы дали приказ, туда не входить после того, как погибло двое наших сотрудников!

Начальник милиции стукнул карандашом по блокноту, что держал в руках:

– Иванов!

– Я тут! – ответил лейтенант, подходя.

– Передайте мой приказ: стрелять по тварям! Потом доложишь о результатах! – четко произнес Абдуллаев, а сам сказал капитану: – Пока побудь здесь, ты мне нужен...

⁶ Автофургоны в виде «буханки». Машины, производимые по южно-корейской технологии на узбекском заводе УзДЭУ-авто в Асаке. Они используются в качестве карет «Скорой помощи», а также такси, грузовых перевозок.

– Есть! – отдал честь Иванов и кинулся к милиционерам и солдатам, чтобы передать им приказ руководства. Те не стали долго ждать и, влезнув на забор, открыли огонь по движущимся между деревьями червякам.

– Тра-та-та!.. Та-та-та-та!.. Тра-та-та-та!.. Та!.. Та!.. Тра-та-та!.. – раздались очереди автоматов, гремя так, что казалось, будто городская площадь сама дрожит от выстрелов. Пули свистели между деревьями, создавая хаотичный, почти ритмичный грохот, перемежаясь с криками.

Женщины, которые не успели далеко уйти, закричали от ужаса – выстрелы были громкими, эхом отдавались по площади. Паника мгновенно распространилась: люди выпрыгивали из машин «Скорой», кто-то спотыкался и падал на бочину, кто-то, запутавшись в шнурках, кувыркался через бордюр, будто участвовал в нелепой карикатурной эстафете. Из соседних домов выбегали жители, перепуганные и размахивающие руками, словно махали флажками на карнавале хаоса. Милиция пыталась навести порядок, но в толпе их просто сминало; пожарные расчеты пытались успокоить людей сиренами, но эффект был прямо противоположный – тревожный вой лишь увеличивал сумятицу, и жители визжали, пытаясь перепрыгнуть через ограждения и машины.

Полковник заскрежетал зубами от злости. Эвакуация шла стихийно, не так, как положено. Старший офицер из войсковой части не явился, хотя солдаты продолжали держать периметр – и это только усиливало раздражение Абдуллаева. По планам чрезвычайной ситуации действия всех подразделений должны были быть скоординированы, а теперь складывалось впечатление, что каждый действует на свой страх и риск.

– Здравствуйтесь, – сказал Абдурашид-ака, подходя к передвижному штабу и косясь в сторону заборов. Он видел, как автоматчики ведут прицельную стрельбу:

– Та-та-та-та!.. Тра-та-та!.. Та-та-та-та!..

Полковник взглянул на врача. Стоявшие рядом Хамракул и Гани кивнули ему – мол, снова встретились в этом хаосе, снова вместе в гуще событий.

– Вы и есть тот врач, что последним приезжал сюда? – спросил Абдуллаев, сжимая карандаш в пальцах и щурясь от раздражения.

– Я не знаю, последним ли я был, – пожал плечами Абдурашид-ака. – Ведь приехал сюда часов в двенадцать ночи, а кто прибыл следом – неизвестно мне... В ночную смену выезжает до десяти машин из нашей подстанции, а приемный покой работает круглосуточно... В среднем больницу навещает не менее пяти экипажей с пациентами...

– Это нам известно, Абдурашид-ака, что вы были последним, – прервал Гани, стараясь перекрыть автоматные выстрелы, которые все еще отдавались эхом по территории. – Мне дежурная подстанции сообщила, что только ваша машина приезжала в эту больницу, больше сюда никого не привозили...

– Когда вы приехали, то ничего подозрительного не видели? – уточнил Абдуллаев, кусая кончик карандаша и нервно теребя блокнот.

Абдурашид-ака не успел ответить, как выстрелы вдруг прекратились. В этот момент вернулся лейтенант-блондин, немного бледный, с едва сдерживаемой тревогой в глазах; руки дрожали, а голос звучал напряженно и отрывисто.

– Эркин-ака, выстрелы не особенно помогли, – сообщил он дрожащим голосом. – Черви лишь вздрагивают, но продолжают движение... Пули дырявят их, но не убивают!

Полковник выругался отборным матом, ярость проступала на лице и в сжатых кулаках.

– Но это еще не все...

– Что?

Иванов колебался, затем поспешно выпалил что-то бессвязное:

– Одно чудовище изрыгнуло человека... точнее... ну, это не совсем человек... то есть человек... как бы вам сказать... это был человек, а сейчас... мясо...

– Что за ерунду несете, лейтенант! – разъярился Абдуллаев. – Человек или не человек? Говорите ясно!

Рапортовавший глубоко вдохнул, глаза блестели страхом, и с усилием собрал слова в одну мысль:

– Это человек, но без кожи, волос и одежды... Мышцы только и кости... Такое ощущение, что его изъела кислота...

– Кислота? – не понял полковник, морща лоб.

В разговор вступил Абдурашид-ака, пытаясь рационально объяснить ужасное:

– Это желудочный сок. Он растворяет любую пищу, которая попадает в желудок; например, ваша пища также фрагментируется... Видимо, эти червяки глотают жертву как змеи, а потом растворяют их внутри себя...

– Так это змеи? – насторожился полковник.

Лейтенант ответил с тревогой:

– Нет... Они не похожи ни на змей, ни на обычных червяков... Это какой-то... желудок. Пожарники пытались отогнать его струями из брандспойтов, но не погасили его активность...

– Желудок? – переспросил врач, смутно ощущая, что мозг ищет логическую цепочку и пытается соотнести странное с известным. Он стал хватать в уме все концы, чтобы построить ленту событий. Полковник заметил это и с интересом приподнял бровь, наблюдая, как Абдурашид-ака пытается сложить ужас в понятный пазл.

– Вы о чем-то догадываетесь? – спросил Абдурашид-ака, сжимая кулаки, как будто пытался удержать мысли от хаоса.

– Все началось с морга, а туда мы ночью привезли труп... – ответил Гани. – Мне сказала одна пациентка, что события начались именно оттуда.

– И что?

– Это был странный человек... весил более четырёхсот килограммов... По-моему, он умер от сердечной недостаточности... Не выдержало такое тело. Но причину смерти должен был установить патологоанатом Поваренков...

Абдуллаев вздохнул, широко раскрывая глаза:

– Да, ну и масса... Четыреста кило... Бог ты мой, у меня бык столько не весит!

Абдурашид-ака кивнул:

– Да, мы с вашими сотрудниками это тоже заметили, что масса далеко не здорового человека... Этот мужчина жрал всё без остановки, словно не мог насытиться... У меня вопрос к вашему следователю, – он повернулся к Гани. – Вы выяснили, кто это был? Кем он был?

Солнце уже поднималось, согревая землю своими яркими лучами. Воздух наполнялся запахом горячего асфальта и пыли, и предвестником летнего пекла становилась каждая тень. Лишь под кронами деревьев и возле арыков можно было найти хоть какое-то облегчение, но солнце уже щипало кожу, предвещая изнуряющий день.

– Которого нашли у мусорных баков? – почесал затылок следователь. – Это крупный бизнесмен, зовут его Рустам Кадыров. Возглавлял издательский дом и рекламное агентство. Несколько месяцев назад развелся, точнее, жена ушла... Возможно, на почве психических расстройств стал обжираться...

– А можно мне сказать, – вмешался участковый, качая головой, – я разговаривал с соседями, они сказали, что у него были проблемы с желудком... Он газовал много...

Фраза внесла сумятицу в голову полковника. Его лицо вытянулось, брови поднялись:

– Что? Как это газовал? То есть обещал и не исполнял, иначе говоря, кидал⁷? Или утечка газа дома была?

⁷ Жаргон, означающий неисполнения кем-то своих обещаний или обязательств.

– Ну, как это помягче сказать... он пердел... – покраснел Хамракул. – Причём так сильно и вонюче, что запахи доходили до нижних этажей, и соседи страшно злились. Видимо, жена не выдержала и ушла от него. И детей забрала... Я быстро поговорил с его женой – её зовут Залина, по телефону говорил, и она сообщила, что мужу несколько месяцев назад привезли какой-то препарат из Индии – настойку на змеином желудке...

– Змеинный желудок? – хором воскликнули все, включая и лейтенанта, который рапортовал о ситуации в больнице. Он тоже все слышал и проявил интерес к разговору, поэтому никуда не отошел.

Участковый вздрогнул:

– По-моему, Залина-опа сказала: на змеинном желудке настойка... Какой-то йог Раджа Алок Шекхар занимается народной медициной и продал лекарство знакомому Рустаму...

– А почему ему требовалось это лекарство? – удивленно спросил полковник. – Тем более не сертифицированное, из-за границы? Чем он болел?..

– Как я понял из слов супруги, у Кадырова была проблема с потенцией... короче, не мог исполнять супружеские обязанности... Сексопатологи не могли помочь... Вот и заказал чудодейственный препарат в Бомбее. Он пил каждый день по несколько капель... А потом стал пердеть... Говорят, что даже на работу не мог ходить, ибо там создавал такую атмосферу, что никакая вентиляция не спасала... – участковый замялся, покраснев. – Да, чуть не забыл, Залина-опа добавила, что он стал много кушать, ни минуты не мог остановиться от еды. Она советовала ему сходить к эндокринологу, а он не слушал – всё жрал и жрал. В холодильнике ничего не оставалось, припасы в кладовке исчезли, цветы в кадучке и мыло даже ел... В итоге растолстел...

– Всё это понятно, – сказал полковник, хмурясь, – но причем тут этот Кадыров и те монстры, что захватили больницу и поедают людей? – он ткнул в сторону забора. – Криминалистика раньше с подобными явлениями не сталкивалась, и милиционеры, привыкшие к четким инструкциям и схемам действий, не могли понять, в чем дело. Они привыкли к ясным фактам: злоумышленник, оружие, жертвы... а здесь – какая-то биологическая аномалия, непонятная и ужасающая.

Врачу пришлось пояснять свою мысль дальше:

– Это только предположение... я не уверен... – начал Абдурашид-ака, щурясь на жаркое утреннее солнце, которое отражалось в бронзовых щитках машин и блестело на касках солдат. – Но могу сказать, что произошли какие-то морфологические и генетические изменения с организмом мужчины... Его тело, по всей видимости, мутировало, а контроль над физиологическими функциями исчез. И, судя по поведению чудовищ, эти изменения каким-то образом перенеслись и на «живую массу», что теперь видим в больнице...

– Чего-чего? Морфо... гинета?.. – у полковника глаза полезли на лоб. Было видно, что он силен в Уголовном кодексе, но никак не в биологии и, тем более, медицине. Для него требовался более упрощённый подход и ясный расклад гипотезы. Причём объяснять следовало быстро, ведь опасность продолжала угрожать всем вокруг.

– Я считаю, что желудок мутировал и стал самостоятельным организмом... – начал Абдурашид-ака, почесывая висок. – Он жил внутри человека и влиял на его сознание, понуждая искать пищу и поглощать всё подряд, даже отходы. Рустам уже ничего не мог с собой поделаться – им управляли... А запахи, что он издавал, – это реакция интенсивного метеоризма, что вполне естественно, учитывая продукты, которые попадали в его пищеварительную систему.

– А причём тут астрономия? – спросил Иванов, стоявший поблизости.

– Астрономия? – в недоумении повернулся к нему врач.

– Ну да... метеориты, болиды, астероиды и кометы... это же из астрономии, – гордо произнёс лейтенант, чувствуя себя образованным и пытаясь выглядеть как специалист. – Разве не так? – Он уставился на Абдурашида-ака.

Другие милиционеры тоже косились на врача с вопросительными лицами: один нервно тер руки о форму, другой тер подбородок, третий с удивлением сдвинул брови, словно пытался уловить смысл в словах, которых не понимал. Они явно были в тумане, стараясь совместить знакомую картину угрозы с чуждой им терминологией.

Абдурашид-ака вздохнул и развёл руками:

– Боже, сколько дилетантов... Метеоризм – это не из области небесных тел, а реакция организма на разложение пищи в желудке. Кишечные газы – это и есть метеоризм. Человек пердит – это и есть метеоризм.

– А-а-а, – протянули милиционеры. Понимание пришло, но им было непонятно, зачем усложнять обычное слово научным термином.

Абдурашид-ака проявил нетерпение:

– Нам нужно быстрее разобраться, в чём дело...

– Вы считаете, что желудок Рустама стал хищным организмом? – переспросил следователь, недоверчиво морща лоб.

– Да, считаю... – кивнул врач. – И он действует по инстинкту... не знаю какому, но хочет жрать и будет жрать до бесконечности.

– Но ведь у Рустама был один желудок! – воскликнул следователь. – У человека один желудок – или я плохо знаю анатомию? А там больше десятка монстров! – он указал в сторону больницы.

Из здания доносились редкие крики оставшихся охранявших, но к счастью, всех эвакуировали, и площадь перед больницей была пуста. Лишь милиционеры и солдаты патрулировали забор, а расчёты пожарных машин готовились к действиям на случай экстренной угрозы.

Тут Абдурашид-ака развел руками:

– Вы правы – один. Но я не знаю, откуда взялись остальные... Мне трудно сказать, Эркин-ака, пока сам не увижу их...

– А в этом мы вам поможем, – несколько зловеще произнес Абдуллаев, его взгляд был острым и напряжённым. Казалось, он перекладывает ответственность за чудовищ на медицину, полагая, что именно врачи наплодили этих тварей, а страдать теперь должны простые люди, включая милицию. Вообще-то полковник был неплохим человеком, но нервная обстановка сильно давила на него, и злость хотелось с кого-то сорвать. Его плечи напряглись, челюсть сжалась, а глаза блестели, словно он готовился к любому, даже самому абсурдному повороту событий.

Сам Абдурашид-ака мог в любой момент бросить в лицо полковнику, что операция – военная, правоохранительная, и он к ней не имеет никакого отношения, и уйти к коллегам, которые кварталом выше продолжали оказывать помощь пострадавшим и просто больным. Однако его останавливало элементарное любопытство – по натуре он был любознательным и даже писал кандидатскую диссертацию, обдумывая детали наблюдаемых аномалий.

В этот момент подъехал другой «Газик» – машина начальника военной части. Дверца с хрустом открылась, и из кабины выполз толстый, неуклюжий и весь потный майор Останакул Мирзаев. Он полнел быстрее, чем успевали сшить мундир, так что нынешний был почти в обтяжку. Его глаза пылали злостью, рот презрительно скривился, а шевелюра была растрёпана – всё указывало на то, что фуражку лучше было оставить на голове.

Говорили, что это был пройдоха ещё тот: занимался теневым бизнесом, продавая «налево» горюче-смазочные материалы, запчасти к технике, продукты для солдат и за деньги предоставляя увольнительные. На него у милиции имелся компромат, но связи наверху мешали привлечь к уголовной ответственности. И вот его буквально выдернули из постели, но не из дома – а от любовницы, где он частенько пропадал. Это его сильно раздражало, и теперь злость смешалась с раздражением, выдаваясь во всей его манере.

– Ну, чего тут? – недовольно спросил майор, оглядываясь. Он был вздорным и самоуверенным типом: никогда не разговаривал с другими нормально, даже с детьми и женой. Всегда был груб, высокомерен и заносчив. Сейчас он не поздоровался ни с кем, что в восточном обществе считалось крайне невежливым и вызывающим. Его взгляд цепко скользил по присутствующим, рот поджимался, плечи слегка наклонялись вперёд, словно готовясь к любому спору или требованию.

Полковник поморщился, но спорить не стал. Сейчас действительно не время для выяснений личных претензий – события разворачивались быстрее, чем кто-либо мог предусмотреть.

– Зачем понадобились мои танки вам? – продолжал расспрашивать Мирзаев, поправляя ремень с большой кобурой, где висел новенький «Стечкин». Он вообще-то сегодня намеревался с друзьями из прокуратуры сходить на рыбалку. Конечно, не для того, чтобы ловить рыбу, а чтобы попить, нажраться шашлыка с лепешкой, различными соусами и салатами, с бокалом крепкого вина или чая с мятой. Атмосфера должна была быть весёлой и расслабленной, на берегу речки, где шум воды и пение птиц создавали идеальный фон для праздника.

Кроме того, следователь Усербаев обещал привести девиц легкого поведения, которые часто обслуживали подобные мероприятия высокопоставленных работников правоохранительных органов. Среди них, говорили, была некая Гуля – сочная и эффектная, с яркой внешностью и лёгкой манерой общения. Планировалась полная роскошь: еда, напитки, веселье, музыка – и вдруг – бац! – какие-то непредусмотренные факторы ставят под угрозу пирушку у речки.

– Вы что, с бандитами своими средствами расправиться не можете? – орал майор на милиционеров, как на собственных подчиненных. – Вам, может, ещё ракеты предоставить? Тяжелую технику на войну с ворами и всякой шпаной? Всю дивизию поднять захотели? Что за цирк здесь устроили и меня от серьезных дел – обороны страны – отвлекли? У меня сегодня встреча с командующим военным округом, а вы вызываете меня по больничным вопросам?..

Тут Абдуллаев не выдержал. Он схватил Мирзаева за рубашку, скрутил ворот жгутом и подтянул к себе. Сверля его гневным взглядом, он буквально выплёвывал слова:

– Ты, мерзость, заткни свою пасть! Знай свое место, подонок! Твоя часть – это позор нашей армии. Ты распродал всё, что есть в части, и только два этих танка – тут он указал на Т-72 – ещё способны двигаться, и ты их держишь для показухи, для парадов и маршей. Остальные – это утильсырьё! Была бы моя воля, я бы давно тебя упек в тюрьму за хищения и воровство!

Мирзаев пытался отбиться, выкручивал голову, чтобы не смотреть в глаза милиционеру. Когда Абдуллаев отпустил его, майор отскочил, словно его укусила злая собака. Он растерянно огляделся, глаза широко раскрыты, рот приоткрыт, словно видел инопланетян. Он никак не мог понять, почему такая реакция у окружающих: ведь он – самый главный военный в городе, его должны уважать все, включая милиционеров и врачей! У него столько оружия, что он мог разрушить целый квартал, а тут – за горло взяли... Его взгляд метался, полон недоумения и растерянности, а по щекам бежали капли пота. Даже Абдурашид-ака не смог скрыть лёгкую ухмылку – майор приостыл, явно растерявшись.

– Слушай ты, шваль военная! – рявкнул полковник. – Там, за забором, находятся монстры, и поэтому мне нужна твоя техника!

Майор тупо уставился на него, глаза расширены, рот чуть приоткрыт, плечи опущены – выражение полной растерянности и недоумения, будто мир вокруг внезапно перевернулся.

– К-какие монстры? Что ты плетешь? Что за дурацкие шутки?..

Лицо Мирзаева налилось кровью, глаза округлились, губы поджались, плечи подергивались от напряжения. Ему казалось, что над ним издеваются, что вся эта заварушка устроена, чтобы подставить его и сместить с кресла начальника части. Мысли о возможных претендентах на его место кружились в голове, и в груди закипала ярость. Руки дрожали, не от страха,

а от злости, зубы скрежетали, а взгляд метался между полковником и окружающими, пытаюсь уловить поддержку, которой, конечно, не было.

В этот момент полковник Абдуллаев резко дал ему оплеуху. Ладонь хлестнула по щеке Мирзаева, заставляя головой дернуться в сторону. Размазывая разбитую губу, майор ошеломленно посмотрел вокруг, осознавая, что здесь никто не собирается церемониться. Сердце билось быстрее, разум пытался осмыслить происходящее, а на губах застыла смесь удивления и злости.

– Соблюдай субординацию, майор!.. – рявкнул полковник, гневно сверля Мирзаева взглядом. – Я тоже не планировал по больницам шастать!.. То, что там, за забором, не поддается логике... Два моих сотрудника сгинуло. Черт знает, сколько погибло больных и врачей!.. Здесь тебе не учения, а реальная боевая обстановка! Понял?!

– П-понял-л, – заикаясь, ответил Мирзаев, доставая платок и вытирая кровь с лица. Его движения были скованными, дыхание прерывистым, но в глазах уже промелькнуло понимание: спорить не стоит. Все обиды и претензии он прибережет для потомков, для тех случаев, когда можно будет нанести удар в спину или подколоть начальство.

– Сейчас мы все подойдем к забору и посмотрим, что там, – злым голосом продолжил Абдуллаев. – Поэтому, майор, достань свой «Стечкин» – надеюсь, стрелять ты умеешь! – и проникнем в больницу... Это будет разведка боем!..

– Ум-мею, – немного расстерянно произнес Мирзаев. Армейцу было неприятно подчиняться милиционеру, но он понимал, что сейчас лучше не спорить. Главное – сохранить спокойствие и терпение. Все обиды и недовольства он мог реализовать позже, в более подходящей обстановке. А пока – действовать по приказу. Клинок он точил заранее, и уже в уме прикидывал, где можно было бы нанести удары в нужный момент.

Абдуллаев оглядел всех, кто стоял рядом, и четко произнес:

– Итак. Идем выяснять обстановку. Если там кто-то есть из больных и медперсонала, то окажем помощь. Всем достать оружие!..

– Но у меня нет оружия, – заметил Абдурашид-ака. – Я же гражданский.

– Гражданским не полагается иметь оружие, – отчеканил милиционер. – Поэтому будете с нами в качестве эксперта... Мы вас прикроем, если будет нападение... А также прикроют автоматчики с заборов... Но вы, Абдурашид-ака, должны дать нам точные ответы: что это за монстры, откуда они и как их уничтожить!

Врач лишь пожал плечами: как можно так быстро разобраться в этом? Особенно без инструментов, приборов и даже оружия... Он, впрочем, был пацифистом и терпеть не мог оружие, так что этот момент его не беспокоил. А что будет нападение – он не сомневался: не зря люди в страхе и ужасе бежали из больницы.

Участковый, следователь, Иванов, а также полковник и начальник части достали пистолеты, задержали затворы, загоняя патроны в ствол – щелк! щелк! – звук металлической механики разлетался по утреннему воздуху, эхом отдаваясь между зданиями и заставляя сердце Абдурашид-ака биться чуть быстрее.

Затем они пошли в сторону больницы. У заборов стояли только милиционеры и солдаты, пожарники держались рядом со своими машинами во втором эшелоне. Два танка навели свои орудия на ворота, словно готовясь открыть стрельбу. Возможно, этим танкисты намеревались напугать противника, но было ясно, что неизвестные хищники вряд ли понимали угрозу бронированных машин. Ни больных, ни врачей, ни карет «Скорой помощи» поблизости не было – они все спешно покинули территорию.

Было уже около восьми утра. Солнце давно взошло, его теплые лучи мягко окутывали улицы города, переливаясь на крышах домов, отражаясь от стекол витрин и играя на лужах после утреннего полива. Ветер лениво шевелил кроны деревьев, словно будил их после ночного сна. Где-то вдали звенели трамвайные колокольчики, гудели клаксоны автомобилей и автобу-

сов, открывались двери магазинов и учреждений, приглашая посетителей, и фабрики постепенно набирали ритм работы.

Из кафе и чайхан доносились аппетитные запахи – насыщенный аромат лагмана⁸ переплетался с пряными нотами тандыр-гушта⁹, к ним примешивался запах свежеприготовленного плова и кук-су¹⁰, создавая настоящую гастрономическую симфонию. Даже у многих милиционеров животы заурчали от соблазна, пока они стояли на страже, держа оружие наготове.

Пока там еще не разобрали, что произошло тут, и поэтому звуки и запахи жизни продолжали разноситься и до этих мест. Но Абдурашид-ака был уверен, что это ненадолго. Ведь бегущих людей из больницы и жилых домов невозможно было незаметить, а автоматные выстрелы – не услышать, и страшные истории уже начали путешествия из уст в уста. Можно было предположить, что к полудню уже все население будет в курсе дела, и сюда нагрянут зеваки и журналисты.

И им путь должны были перегradить милиционеры и солдаты. Но пока они ожидали приказа на какие-то действия, а его вправе был отдать только руководитель города – хоким. Но как сообщил дежурный хокимията¹¹, шеф отсутствовал и его пока не могли найти, видимо, тоже где-то отдыхал. А вместо него отдувались силовики, в частности, милиция и воинская часть.

Уже подходя ближе к больнице, группа из шести человек осязала все ароматы, исходившие из другой стороны забора.

– Ну и вонь! – поморщился майор, с опаской смотря наверх. Вдруг оттуда что-то свалится на голову? Он бросил взгляд на танки, что были пригнаны с его части, и пожалел, что остальная бронетехника давно не фурычит – одни корпуса с разобранными на запчасти двигателями, ржавыми башнями и пустыми гусеницами. Если бы техника была полностью боеспособной, тут можно было бы устроить настоящую танковую атаку, и это было бы не кино, а реальная демонстрация силы.

– Так кто нам угрожает? – вспыхнул вдруг Мирзаев. Он никак не смог сосредоточиться на происходящем в больнице. Не знать противника – это была непростительная ошибка. По его мнению, сюда следовало пригнать артиллерию или хотя бы вертолеты с неуправляемыми ракетами. Требовалась ясность.

– Черви... или желудки? – неопределенно и коротко ответил полковник, подходя к забору. Понятно, что такой ответ был недостаточен для ясного понимания ситуации.

– Кто? – обалдел майор. – Черви? Опять шутки?

– Нет, – пояснил Абдурашид-ака, показывая на оцепление, – ради шуток не сгоняются все силы сюда, в том числе и танки, и тем более не выселяют из ближайших домов жителей, а из больницы – больных.

– Но какие черви? – не унимался Мирзаев. – Те, что обычно мы сажаем на крючок в качестве наживки для рыбы? Разве они могут быть опасными?..

– Нет, это совсем другое... но что точно, мы сами пока не знаем, – признался врач. – И для этого идем выяснять сюда...

Мирзаев не успел ничего произнести, как полковник приказал стоявшим у забора солдатам и милиционерам:

– Открыть ворота – мы входим! За нами плотно прикроете! Если что-то полезет оттуда – стреляйте без предупреждения!

⁸ Лагман – «шнурки» теста с подливом из мяса, картошки, лука и восточных приправ.

⁹ Тандыр-гушт – запеченное на еловых ветках мясо – баранина или говядина.

¹⁰ Кук-су – корейское блюдо: тонкая лапша с кусочками мяса, острых приправ, на сладкой холодной воде.

¹¹ Хокимият – местная (городская, районная, областная) администрация, территориальный исполнительный орган.

Те не стали перечить и быстро раскрыли железные ворота. Давно не смазанные петли отчаянно завизжали, словно жалобно стонали старые подшипники, и звук пронзительно рвался в уши, заставляя их резать и покалывать барабанные перепонки.

«Интересно, а как справлялся вахтер, когда впускал кареты „Скорой помощи“?» – подумал Абдурашид-ака. Но охранявшие открывали только немного – лишь чтобы была щель, и, протиснувшись через нее, все шестеро вбежали на территорию больницы. Ворота за ними тотчас закрылись. На заборах сидело несколько автоматчиков, ведя стволами «Калашей» по стономам – видимо, ожидали атаки ото всюду.

Запах здесь был гораздо сильнее: смесь разложения, железа, жира и химических средств от антисептиков, перекрывавшая все остальные ароматы. Майор зажал нос, испытывая тошноту и легкое головокружение. Остальные милиционеры тоже едва не задохнулись. Только Абдурашид-ака был внешне спокоен – как врачу ему приходилось нюхать и не такое. Хотя, если честно, и ему было паршиво, просто виду не показывал.

Асфальтовая дорожка, ведущая в приемный покой, оказалась вся в слизи и крови – липкой, скользкой, с прожилками свернувшейся темной жидкости, местами засохшей на горячем солнце, так что идти приходилось осторожно, не поскользнуться. У кустов валялись скелеты – Гани насчитал пятнадцать штук. Еще было обглоданное тело – одни мышцы и сухожилия на костях, но кому они принадлежали – мужчине или женщине – было непонятно. Над телом уже летали жирные мухи и жуки, ползающие по мякоти и приносящие ощущение гнили, неприятный гул от их крыльев доносился до всех присутствующих. Все поморщились, морщины пробегали по лицам.

– Ой, ой, ой, – раздельно произнес Мирзаев, теперь осознавая, что дела обстоят действительно серьезно, и тут никто не собирается играть в бирюльки. Легкая дрожь пробежала по его телу, лоб взмок, а галстук казался сдавливающим шею. Поэтому он расслабил узел, потом вскинул пистолет, целясь в первого, кто покажется на дорожке. Подсознательно надеялся, что опасности удастся избежать, во всяком случае, не он станет жертвой атаки тех чудовищ, что натворили здесь столько дел. Если честно, майор даже пожалел, что его так легко нашли и вытащили сюда. «Уж лучше бы я уехал в командировку», – мелькнула у него мысль.

Но начальник РУВД обратился к нему:

– У вас в части огнеметы есть?

– Чего? – не расслышал тот, видимо, от страха уши заложило.

– Спрашиваю: огнеметы есть? В танковой части по штату полагается иметь огнеметы.

Милиционер неплохо разбирался в арсеналах, раз выдал такую информацию. Мирзаев покачал головой, словно отгонял муху – небрежно и как бы нехотя.

– Не-эт... были когда-то... были...

– Были когда-то? Как это? – не понял Абдурашид-ака.

Мирзаев со злостью взглянул на него, скорее всего, от того, что вынужден гражданскому пояснять информацию, выходящую за рамки публичности.

– Ну, мы передали их гражданскому населению... в рамках политики конверсии... это было давно... сейчас и не упомяну...

– Это что за политика такая? – удивился полковник. Ему что-то не приходилось слышать о том, чтобы оружие передавали тем, кому это не полагается иметь – это же не стеклышки и не шурупы.

Майор занервничал: лицо покраснело, пальцы непроизвольно дрожали, взгляд метался по сторонам, словно он пытался найти спасительную дыру, через которую можно было бы улизнуть, не раскрыв секреты военной части.

– Это когда ненужный хлам мы отдали хозяйствам, могущим использовать их в гражданских целях... Ведь мы за мир и безопасность, за разрядку военной напряженности!.. Холодная война-то – тью-тю! – закончилась!..

– Подожди-ка, подожди-ка, – встревожился милиционер. – Это как можно использовать огнеметы в хозяйственных нуждах? Что за чушь ты несешь? Это что за новости?!

Майору пришлось давать пояснения:

– Ну, из огнеметов можно сделать газовые плиты, жарить мясо. Это походная кухня... ясно? Для рыбалки... охоты...

– Короче, сплавил ты за деньги военное имущество, вот и придумываешь там что-то о конверсии, – раскусил его врач, который также внимательно прислушивался к разговору. – Нечего нам лапшу вешать... Блин, деляга в форме!

Майор уже хотел что-то сказать резкое, но тут послышался странный звук.

– Что это? – прошептал Мирзаев, озираясь на месте. «Стечкин» нервно подпрыгивал в его руке, пальцы непроизвольно сжимали спуск, готовые выстрелить в первый подозрительный силуэт. Сердце учащенно билось, пот стекал по шее, руки дрожали, а дыхание перехватывало от напряжения и предчувствия опасности.

Абдурашид-ака прислушался и сказал:

– Это желудочные звуки...

Лейтенанта, который был чуть впереди всех, передернуло от отвращения:

– Фуууу... хорошо, что я не врач...

В это время из окна второго этажа раздался плевок, и во двор упал обглоданный скелет... собаки. Можно было предположить, что животное, принадлежавшее вахтеру, попало на закуску одному из монстров. Все вздрогнули, хотя ничего иного ожидать и не могли.

Вслед за собакой послышался длинный пук, и очередной смрад окутал двор, заставляя всех зажать носы сильнее. Вонь была густой, резкой, с оттенками серы и гниения, так что дыхание почти перекрылось, глаза слезились, и мысли о рациональности продолжения движения казались крайне сомнительными.

– Стрелять только по монстрам! – предупредил его Абдуллаев, тоже осматриваясь. Он двинулся первым дальше, знаками показав Иванову, чтобы тот не торопился и, как говорится, не лез вперед батяки в пекло.

Следователь, лейтенант и участковый кивнули, а Абдурашид пожал плечами – ему стрелять было не из чего. Так они короткими перебежками, стараясь не топтать, добрались до приемного покоя.

Дверь была открыта, и они заглянули внутрь. Там все было разбросано: бумаги летали по полу, кресла стояли на боку, телефон упал на плитку, картины со стен свисали неровно, полотенца и тапочки валялись, словно их бросали наугад. Пол был покрыт густой слизиобразной массой темного цвета, смешанной с кровью, которая от нагретого солнца уже начала засыхать, образуя липкую, неприятно скользкую корку. Между пятнами крови и слизи виднелись обрывки бинтов, использованных для перевязок, и следы борьбы: отпечатки обуви и следы рук, оставленные теми, кто пытался остановить хаос.

На тумбочке продолжал работать телевизор, показывая погоду на сегодня и завтра – наверное, его забыли отключить еще с ночи, когда медсестер и санитарок отвлекли от ночного сериала текущие события. Несколько искореженных каталог у стен свидетельствовали о том, что кто-то применил недюжую силу, а тот, кто пытался ими остановить врага, вряд ли спасся. От этого стало всем зябко: холодок пробежал по спине, а пальцы непроизвольно сжались на оружии и ручках пистолетов.

– Может, разделимся на две группы и осмотрим помещения? – предложил врач. – Так мы быстрее разберемся, что к чему! – он почему-то не испытывал особого страха в отличие от Мирзаева и Иванова.

– Нет! Нет! – испуганно произнес майор. Ему не хотелось, чтобы шансы его выжить сократились вдвое. Ведь чем больше народу, тем меньше вероятность остаться в безопасности. – Нам нельзя делиться...

– Да, делиться не следует, – согласился Абдуллаев. И приказал лейтенанту: – Иванов, стойте здесь, у входа, охраняйте наше возможное отступление! А мы осмотрим этажи – может, кто-то спасься или спрятался где-то...

В это время Гани, который прошел в первую палату, открыл дверь и замер, видимо, увидев что-то необычное. Он смотрел, широко раскрыв глаза, а затем произнес:

– Делиться?.. По-моему, тут уже делятся...

– Что? – не понял майор. – Что там делят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.